

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ¹

Т.Ю. СИДОРИНА,

*доктор философских наук, профессор кафедры истории философии,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
заместитель главного редактора журнала «Мир России».
г. Москва*

1. Теория общественного договора в системе экономической и социальной теории

Актуальность обращения к концепции общественного договора в современных условиях экономического и социального развития обусловлена тем значением, которое концепции общественного договора имеют для понимания смысла и роли таких фундаментальных социально-политических категорий, как естественные права человека, гражданское общество, социальная справедливость, собственность, рациональный выбор и др.

Развитие современной науки и политическая действительность показывают, что теория контракционизма не является лишь феноменом прошлого. В последние десятилетия западными экономистами, философами и социологами были предложены современные версии контракционизма, использующие модель общественного договора и связанные с ней концептуальные средства для нового осмысления проблематики социальной справедливости, естественных прав, демократии, рационального выбора, для переосмысления принципов современного либерализма и для обоснования рациональной социальной политики.

Наряду с другими известными теориями, рассматривающими институциональное развитие общества (наряду с теориями path dependence, доверительного блага и др.), теория общественного договора в ее современном звучании определенно входит в систему теорий институциональной экономики и социологии.

Теория социального контракта вызывает серьезный интерес не только среди зарубежных исследователей, но в последние годы все больше анализируется российскими политиками, экономистами, социальными теоретиками. Почему теория общественного договора вызывает такой интерес у представителей разных областей обществознания?

Я хотела бы отметить две причины.

Во-первых, эта тематика в течение определенного времени с момента начала экономических и социальных реформ в России не могла не вызвать острого интереса, поскольку Россия декларировала выбор демократического перехода.

Во-вторых, активно развивающаяся во второй половине XX в. теория институтов неизбежно затрагивает феномен (или социальный конструкт) общественного договора, который, в свою очередь, сам может трактоваться как один из важнейших социальных институтов — определяющий в системе демократического общества, в условиях правового

¹ Статья написана по результатам исследования, выполненного на средства Научного фонда ГУ ВШЭ (гранта «Философия контракционизма: от классических концепций общественного договора к современным версиям социально-политического контракта»).

государства и гражданского общества, — безусловно выстраивающегося вокруг комплекса потребностей общества и его членов, представляющего собой «систему правил, механизмов, обеспечивающих их выполнение, и норм поведения»² и т. д.

2. Теории происхождения государства и общественный договор

С глубокой древности многие мыслители пытались объяснить причины возникновения государства. Создавались самые разнообразные теории.

Аристотель в сочинении «Политика» выдвинул так называемую «патриархальную» теорию происхождения государства. Он считал, что государство возникает в результате разрастания семей и совместной жизни отдельных родов. Государственная власть — это постепенное распространение отцовской (патриархальной) власти с отдельных родов на все население страны.

Средневековые мыслители Аврелий Августин, Фома Аквинский разработали *теологическую* теорию происхождения государства. Согласно ей, государство возникает как осуществление Божественного замысла. Это придавало государству статус святости и незыблемости. Государь выступал как помазанник Божий.

К. Маркс и его последователи разработали *классово-экономическую* теорию происхождения государства. Оно возникает в результате общественного разделения труда, появления частной собственности. В результате происходит расслоение общества на классы. Господствующий класс захватывает власть и постепенно создает различные органы для ее упрочения. Так возникает государство, которое в дальнейшем используется для управления обществом [9].

В новое время английские философы Т. Гоббс и Дж. Локк, затем французские философы-просветители Ш.–Л. Монтескье и Ж.–Ж. Руссо разрабатывали теорию происхождения и сущности государства как общественного договора.

3. Становление традиции контракционизма в новое время и эпоху Просвещения

Свою теорию общественного договора Т. Гоббс излагает в заключительной работе его философской системы «О гражданине» и в трактате «Левифан» (1651).

Исходной точкой рассуждений Гоббса об общественном устройстве и государстве является представление о «естественном состоянии людей». Естественным состоянием людей, по мысли Гоббса, до того, как они образовали общество, была лишь война, и не простая, но война всех против всех. В этой войне не может быть победителей. Она выражает ситуацию, когда каждому угрожают все. По Гоббсу люди склонны вредить себе взаимно — человек человеку волк (*homo homini lupus est*). Эта склонность является следствием людских страстей, но главное — следствием тщеславного самолюбия, права всех на все. «Везде, где люди жили маленькими семьями, — пишет Гоббс, — они грабили друг друга; это считалось настолько совместимым с естественным законом, что чем больше человек мог награть, тем больше это доставляло ему чести... Пусть имеется какое угодно множество людей, однако если каждый будет руководствоваться в своих действиях лишь частными суждениями и стремлениями, они не могут ожидать защиты и покровительства ни от общего врага, ни от несправедливостей, причиненных друг другу».

Выход из этой ситуации Гоббс видит в образовании общества. Это искусственное состояние людей. Оно покоится на согласии интересов, что безусловно, не прочно, но

² Согласно определению, данному Д.К. Нормом в статье «Институты и экономический рост: историческое введение», «институт — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми».

надежно. Поэтому необходимо, чтобы, кроме договоров, было еще нечто иное, что соглашение усилило бы и надолго упрочило, сделало взаимное общественное согласие постоянным и длительным. Этим должна стать общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу.

Государство ставит на место законов природы законы общества. А кто осмеливается не выполнять эти законы, того ждет наказание. Этим государство, собственно, ограничивает естественные права (договор, на основе которого возникает государство) гражданским правом. Гражданские права являются ничем иным, как естественными правами, перенесенными на государство. А так как естественные права (а это значит права человека в естественном состоянии) были неограниченны, неограниченны и права государства, и обязательность исполнения гражданских законов. Оптимальной формой правления, в трактовке Гоббса, является монархия.

Позиция другого английского философа Дж. Локка изложена в «Двух трактатах о правлении» (1690). Локк развивает теорию происхождения собственности из труда, а государственной власти — из общественного договора. Философ излагает общую концепцию происхождения, объема и цели государственного правления. Объединяясь в государство, люди передают правительству часть своих естественных прав — на жизнь, на свободу слова и веры, на собственность. Однако Локк обращает внимание на то, что законодательная власть в государстве должна быть отделена от исполнительной, судебной и федеративной, осуществляющей внешние сношения. Правительство должно подчиняться закону, как и граждане, ибо именно закон обеспечивает свободы, защищая каждого от произвола и насилия со стороны других. Народ остается безусловным сувереном и имеет право не поддерживать и даже ниспровергать правительство, которое не выполняет взятые на себя обязательства. Это была концепция, обосновывающая тот государственный строй парламентской монархии, который складывался в Англии после «Славной революции» 1688–1689 гг. [8, с. 448–449].

Если «Левиафан» был сочинением философа, безусловно, лояльного к действующей абсолютной власти, то «Два трактата о правлении» Локка были написаны убежденным оппозиционером, либералом и сторонником конституции. Историческая предпосылка мысли Гоббса может быть понята как реакционное стремление к жесткому политическому порядку в ответ на ситуацию безвластия и социального хаоса. Что касается Локка, то его мышление, наоборот, революционно и исходит из приоритета воли народа по отношению к любой централизованной публичной власти [6].

Другая известная версия теории общественного договора принадлежит крупнейшему представителю эпохи Просвещения Ж.-Ж. Руссо. В центре внимания Руссо — несправедливое, неравноправное положение людей в обществе. В работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо обращается к выяснению первопричин социального гнета, рассматривая его, как неотделимый от экономического и политического неравенства. Мыслитель отмечал глубокую несправедливость не только в привилегиях господствующего класса феодально-абсолютистского общества, но и в любых других, в том числе предшествующих феодализму, и буржуазных формах экономического и политического преобладания одних групп людей [5, с. 217] над другими.

Согласно Руссо, человечество переходит от естественного состояния к общественному благодаря свойственной человеку «способности к совершенствованию», которая выражается в развитии человеческого ума, который наряду с изобретением различных орудий труда и жизненных удобств приходит к мысли о целесообразности объединения людей. Последующие общественные трансформации оцениваются Руссо негативно. Он пишет, что с появлением классово-антагонистического общества исчезает равенство, появляются рабство и нищета. Причину происходящего Руссо связывает с возникновением частной собственности; следствиями возникновения частной собственности и развивающегося имущественного неравенства являются «состязание и соперничество, с одной стороны, противоположность интересов — с другой, и повсюду — скрытое

желание выиграть за счет других». Нарастающее имущественное неравенство доходит, согласно Руссо, до крайних пределов, когда образуется небольшое число богачей и масса бедняков, лишенных собственности. Таким образом, общество оказывается поляризованным, разбитым на группы людей с экономически противоположными интересами. Следствием такого положения в обществе должны явиться серьезные общественные катаклизмы.

В работе «Об общественном договоре» Руссо обращается к вопросам: как и почему человек утратил свободу, присущую ему в естественном состоянии, и что нужно сделать, чтобы вновь обрести ее. Философ отступает от присущего ему ранее категорического осуждения частной собственности. Согласно Руссо, «общественный договор» защищает права частных лиц, обеспечивает за ними законное владение, превращая узурпацию в действительное право, а пользование — в собственность. Узаконивая частную собственность, «общественный договор» дает ей правовое основание и предписывает государственной власти обеспечить уважение прав собственника. Руссо не отрицает, что «общественный договор» приводит к отчуждению и передаче всех прав каждого члена общества в пользу общества. Но поскольку, по мысли Руссо, нет ни одного участника, по отношению к которому остальные не приобретают того же права, какое они ему уступают по отношению к себе, то каждый снова приобретает все, что он теряет.

Обновленное понимание «общественного договора» приводит Руссо к размышлениям о том, что в обществе способности человека упражняются и развиваются, мысль человека расширяется, а его душа возвышается. Лишь «гражданское состояние», по мысли Руссо, способно дать человеку истинную «моральную свободу, которая одна лишь делает человека господином над самим собой, потому что импульс одного влечения равносителен рабству, а повиновение закону, предписанному самому себе, равносильно свободе». Таким образом, «гражданскую свободу» Руссо ставит выше «естественной свободы» [7].

Отметим, что тема общественного договора является одной из центральных в философии нового времени и Просвещения. Ограничения объема статьи не позволяют нам подробно рассмотреть даже основные подходы к развитию этой теории, в том числе концепцию Ш.-Л. Монтескье, И. Канта и других мыслителей.

Однако несколько слов все же следует сказать о концепции Д. Юма. С этим именем связано наиболее последовательное в истории философии опровержение идеи общественного договора.

Тема общественного договора подробно разбирается Юмом в специальном эссе «О первоначальном договоре» (1748). Опровержение Юмом идеи общественного договора основывается на двух основных контраргументах.

Во-первых, Юм задает вопрос: когда именно состоялся этот самый общественный договор и где документальные или хотя бы устные подтверждения этого значимого для любой нации события? Будучи сам историком — автором многотомной «Истории Англии», Юм мог с полным правом ответить, что прошлое человечества просто не знает такого события. «Почти все правительства, — пишет он, — которые существуют в настоящее время или о которых осталось какое-либо упоминание в истории, были первоначально основаны в результате или узурпации, или завоевания, или же сочетания того и другого без какой-либо видимости справедливого соглашения или добровольного подчинения народа» [10, с. 660].

Второй контраргумент Юма — апелляция к здравому смыслу. Даже если допустить, что в незапамятные времена имело место то самое первоначальное соглашение, которое впоследствии было забыто по причине многочисленности сменявших друг друга поколений правителей, то возникает еще один вопрос: имеют ли какое-либо значение сейчас те далекие от нас клятвы *верности*, которыми обменялись когда-то первоначальное правительство и первоначальные граждане? Более очевидными для здравого смысла являются опытные данные, которые говорят, что люди подчиняются своему правительству не по причине обязательства верности, а в силу определенной

привычки. Эта привычка обусловлена понятным для всех желанием сохранить свою жизнь и свое имущество. Иначе говоря, люди живут в *этом* государстве, воюют с врагами *этого* государства, а также платят налоги совсем не потому, что у них есть некий расчет получить за свою верность нужные им блага. Они это делают потому, что так поступали их предки, и еще потому, что существует страх быть наказанным властью этого государства. «В противном случае, — заключает Юм, — общество не могло бы существовать» [10, с. 660].

Итак, можно видеть, что тема общественного договора является одной из центральных в философии нового времени и Просвещения. Причем, зародившись в западноевропейской мысли в новое время, теория общественного договора проникла в Россию и развивалась представителями политической философии, а также философии права в России в XIX — начале XX вв.

Одной из ярких фигур в русской политической философии является Михаил Михайлович Сперанский. Исследователи называют Сперанского автором русского варианта концепции «общественного договора» [4, с. 12].

Позиция Сперанского характеризуется отстаиванием политических и гражданских свобод, критикой крепостного права, стремлением представить законодательные гарантии «политического бытия» русского народа, а также достаточно последовательной ориентацией на конституционные ограничения монархической власти. Основываясь на идеях европейского Просвещения, Сперанский впервые в России сформулировал принцип «упорядочения и разделения» властей и обосновывал политическую целесообразность народного представительства. В трактате «О коренных законах государства» (1802) Сперанский рассматривает вопрос о верховенстве закона, отстаивая политико-правовые принципы, сформулированные европейскими просветителями на рубеже XVIII–XIX вв. По мысли Сперанского, любое государство основано на общей воле народа и существует благодаря народной поддержке и передаче власти «известного количества сил». Закон, в понимании русского мыслителя, выступает и как инструмент власти, и как сдерживающий фактор произвола монарха, что, собственно, и называется ограниченной, или конституционной, монархией. Такая позиция соответствует теоретическим установкам европейской философской и политической традиции эпохи Просвещения и собственно концепции «общественного договора».

4. Общественный договор и гражданское общество

Великие мыслители прошлого отстаивали идею о том, что основой представительного и правового государственного строя служит развитое гражданское общество. Гражданское общество строится на принципе самоуправления, на признании права людей на самостоятельность. Правовое государство должно опираться на гражданское общество и охранять его структуры. Таким образом, в условиях общественного договора присутствуют две плоскости управления: вертикальная — государство и горизонтальная — гражданское общество. Можно сказать, что обе плоскости и их сочетания представляют собой разные составляющие (и варианты) общественного договора.

Как осознанное научное понятие он становится достоянием западной политической литературы, начиная, по крайней мере, с XIX в., хотя потребляется в разных значениях.

Во-первых, гражданское общество рассматривается как сфера, отличная от государства. Это разделение сопровождается различными оценками. Скажем, у Гегеля гражданское общество находится где-то «посредине между семьей и государством»; последнее определяется как «политическое тело» [2, с. 211] и как бы опекает гражданское общество. Государство представляет собой более высокую ступень, нежели институты гражданского общества. Примерно такой же подход у И. Бенгтама, Ж. Сисмонди, Л. фон Штейна. Но существует и другая тенденция — возвышения гражданс-

кого общества над государством (Т. Спенс, Т. Ходжскин, Т. Пейн). Особенно ярко она выражена у Т. Пейна, для которого государство есть просто необходимое зло, и чем меньше будет сфера его воздействия, тем лучше. В умеренной форме эта позиция характерна также для А. Токвиля и Дж. Ст. Милля.

Во-вторых, имеет место существенное различие между узким и широким пониманием гражданского общества. В узком понимании гражданское общество основывается на ценностях личной независимости, обеспечения прав человека, прежде всего его собственности. В этом смысле гражданское общество связывается главным образом с либеральной традицией, причем иногда в негативном плане [3, с. 9].

Однако широкое понимание гражданского общества соотносит его не только с индивидуалистической, либеральной тенденцией, но и с тем, что принадлежит коллективистским или групповым традициям. Автор специального исследования на данную тему английский историк и политолог Э. Блэк показывает, что становление гражданского общества в Европе происходило через различного рода коллективистские структуры, в частности, через свободные города, ремесленные гильдии, коммуны и корпорации. Они постепенно и формировали естественную среду политической демократии «снизу» [12].

Таким образом, можно выделить два основных аспекта идеи гражданского общества: автономия человека и коллективность, из чего следует автономия коллективности как концептуальная основа гражданского общества — опоры демократии и правового государства.

5. Общественный договор и гражданское общество в современной России

Понятие гражданского общества важно не только теоретически. В современной России стоит задача создания реального гражданского общества, поскольку в советский период партийно-государственная машина власти боролась против любых самостоятельных объединений людей, стремилась охватить и подчинить себе все сферы жизни. Любой тоталитаризм — главный враг гражданского общества. Нужно отметить также, что и в дореволюционной России с ее самодержавными структурами власти идеи гражданского общества приживались с трудом. По-видимому, только после реформ Александра II начали появляться первые ростки гражданского общества, наиболее заметные в земском движении.

Но лишь с началом экономических и социальных реформ в конце XX в. в России стали возникать реальные предпосылки гражданского общества. Однако ситуация оказалась значительно сложнее, чем, видимо, предполагалось.

При сравнении России и стран Запада необходимо учитывать то принципиальное отличие, что Россия изначально развивалась и все еще развивается в рамках вторичной, догоняющей модели. Это означает, что простой и непосредственный перенос на почву России опыта и форм становления гражданского общества, его взаимоотношений с государством на Западе невозможен [3].

Первые элементы гражданского общества в европейских странах первичной модели (Англия, Франция и др.) начали возникать в заключительной фазе феодализма, т.е. в период абсолютизма, что происходило на базе глубоких социально-экономических сдвигов. После первых политических революций они получили дальнейшее развитие в начальной, раннекапиталистической фазе в ходе их противоборства с бонапартистскими и реставрационными монархистскими режимами. А завершилось формирование полноценного гражданского общества с переходом во вторую фазу, фазу развитого частнохозяйственного капитализма, что сопровождалось становлением демократических форм жизни общества и государственного правления.

В России мы не наблюдаем этих естественно-исторических процессов последовательной смены одних фаз другими. Здесь все фазы — и феодального, и капиталистического развития были смазаны, сжаты и накладывались друг на друга. Причем на формирующийся «сверху», т. е. усилиями правящих верхов, абсолютизм начали накладываться структурные элементы индустриального капитализма, а вскоре также и отдельные элементы бюрократического монополистического капитализма. В результате этого фаза полноценного или развитого частнохозяйственного капитализма с соответствующим ей демократическим строем общества вообще выпала (как самостоятельная). Естественно поэтому, что вызревавшие во второй половине XIX в. некоторые структуры гражданского общества (земство и т.п.) были крайне слабы и не могли противостоять даже самодержавному авторитаризму. Они тем более не могли стать препятствием в период кризиса самодержавия для возникающего тоталитаризма.

В этом сходство России со многими многоэтническими развивающимися странами, но отличие ее от этих последних в том, что при формировании гражданского общества они стартовали, как правило, от «обычного» авторитаризма, имея в базисе пусть и не очень развитые, но все же рыночные отношения. Мы же стартовали от тоталитаризма, причем, в отличие от Германии, Италии или Японии, Россия вышла из войны победительницей, и ее тоталитаризм не подвергся какому-либо разрушению. Вот почему процесс демонтажа тоталитаризма первоначально принял исключительно медленный, постепенный, поэтапный характер.

Столь же непросто решался вопрос о формировании социального контракта в постсоветской России.

6. Российские экономисты о социальном контракте, гражданском обществе и последствиях институциональных ошибок

Известный российский экономист А.А. Аузан утверждает: «общественный договор и гражданское общество — это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество — это и есть общественный договор. По крайней мере потому, что гражданское общество — это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле гражданское общество — это модель договора» [1].

Аузан опирается на определение гражданского общества как совокупности всех формальных и неформальных организаций и правил, которая соединяет отдельного индивида или семью (домохозяйство) с государством (властью) и бизнесом (частным сектором экономики). То есть гражданское общество есть договор еще в том смысле, что это связь человека с государством и частной экономикой через те или иные формы организации или объединения.

Однако отождествлять понятия общественного договора и гражданского общества все же не стоит. Наличие общественного договора отнюдь не везде и не всегда обозначает наличие гражданского общества. То есть речь идет о двух концепциях общественного договора: вертикального и горизонтального.

Там, где гражданское общество оказалось сильнее, возникла горизонтальная схема общественного договора. Общество распространяло свое устройство на свои же отношения с властью и на отношения предпринимательской деятельности с властью. Там, где гражданское общество оказалось слабее, государство распространило свой принцип иерархии на отношения с экономикой и с обществом.

Что же касается России, то, по мнению Аузана, в ней регулярно воспроизводилась структура вертикального контракта. Сказываются так называемые ошибки первоначального институционального выбора: ошибки, сделанные когда-то, много веков тому назад, воспроизводятся и сказываются в последующем.

Одна из точек неправильного институционального выбора лежит примерно в XV — начале XVI в. Тогда — из-за того, что в России по ряду причин практически не

было коммунальных республик, купеческих республик, а немногие наличествовавшие были задавлены московской властью и т. д.

Согласно Аузану, формирование социального контракта в его горизонтальной демократической парадигме в России не состоялось. И сейчас идет интенсивная регенерация привычного для России вертикального договора. Что является главным признаком такого рода контракта? Это то, что власть может забрать права и перераспределить их.

Причем этот договор работает не только в действиях власти. Он проявляется и в отношении групп населения к этим действиям. Что бы ни делалось, страна не восстает и не отказывается жить и работать с имеющейся властью. Хотя в начале 2005 г. попытки были. И власть латентно отреагировала на эти попытки тем, что реально монетизация льгот не пошла. Но однако же решение все равно за властью и выбор того, как и что делать, тоже за ней.

Теперь позиция другого российского экономиста и политика — Г.А. Явлинского. Говоря о необходимости нового общественного договора в России, он отмечает издержки прежнего общественного договора, когда в течение веков общественный договор в России имел строго патерналистский характер, при котором всем (или почти всем) членам общества гарантировался определенный уровень благосостояния в обмен на абсолютное послушание их непосредственным начальникам в осуществлении экономических и политических планов, разработанных вышестоящими иерархическими органами. Коммунистическое правление хотя и изменило коренным образом структуру власти прежней царской России, но не смогло изменить саму природу управления российским обществом. Здесь гораздо более уместна прямо противоположная интерпретация: социалистическая «революция» была ответной реакцией на попытки введения нового общественного договора, при котором управляемые в большей степени рассчитывали бы на свои собственные силы и инициативу, нежели на благосклонность правителей. Такие попытки начались в России примерно с 1861 г., когда было отменено крепостное право, и продолжались, пусть с отступлениями, вплоть до большевистского переворота 1917 г. Большевики же (особенно в сталинские времена) вновь ввели в ход почти все элементы старого общественного договора, включая фактическое крепостное право. Рядовые граждане были «освобождены» как от права принимать решения в отношении самих себя, так и от ответственности за решения. Общественный договор того времени гласил: «делай то, что тебе говорят, а власть позаботится о тебе и о твоей семье». С учетом условий плановой экономики и тоталитарного государства такой тип общественного договора был единственно приемлемым и единственно возможным в коммунистической системе.

Но при всей, как казалось, устойчивости и незыблемости, этот порядок не мог застыть навсегда в своем «идеальном воплощении».

Однако кончина старого общественного договора еще не привела к согласию в обществе относительно того, какие формы примет новый общественный договор. Состояние, в котором оказалось российское общество после развала коммунистической системы, можно описать как состояние полной неразберихи. Среди рядовых граждан росло понимание того, что патерналистские отношения с государством закончились навсегда и что в будущем им придется рассчитывать на собственную инициативу и предприимчивость. Очевидная неспособность правительства выполнять даже самые элементарные обязательства по отношению к гражданам и повторяющийся отказ от собственных обещаний только укрепляли это понимание.

С другой стороны, множество россиян не могут смириться с распадом патерналистского общественного договора, все еще надеются на возврат к нему в какой-то форме, наращивают требования к властям (центральной, региональным и местным). Даже несмотря на то, что во многих случаях эти люди достаточно отчетливо понимают, что их требования в рамках старого общественного договора не могут быть или, в любом случае, не будут выполнены, они упрямо отказываются подумывать над альтернативными решениями своих проблем и часто впадают в своего

рода коллективное неистовство, удивительным образом смешанное с политической апатией. Реальность экономических и социальных условий в России делает возвращение к общественному договору старого типа в высшей степени невероятным, однако отчуждение между различными социальными группами в серьезной степени затрудняет достижение нового социального согласия в обществе.

В то же время государство, хотя уже и не обеспечивает народу более или менее приличный уровень жизни, в большинстве своем все еще надеется сохранить тоталитарную власть по отношению к народу и лишь освободить себя от ответственности.

В результате такой неразберихи даже среди той части населения, которая первоначально приветствовала возможность получить экономическую независимость и искренне поддерживала идеи и правила экономической свободы и самостоятельности, растет разочарование в условиях затяжного отказа от тоталитарного контроля. Многие элементы институциональной системы, характерной для общественного договора старого образца, остались в неприкосновенности.

Таким образом, новые фирмы и люди, в принципе предпочитающие новый общественный договор, обнаруживают, что они все глубже и глубже погружаются в мир параллельной экономики.

И, наконец, относительно немногочисленная, но влиятельная группа игроков использовала существующую обстановку хаоса для упрочения своего личного положения путем приобретения еще более привлекательных активов и установления собственной «корпоративной» формы общественного договора в отношении обеспечения прав собственности.

Таким образом, — отмечает Явлинский, — мы можем выделить несколько слоев социальной игры в современной российской экономике: практически полностью уничтоженный старый тоталитарный договор, в котором, однако, привилегированные круги бюрократии пытаются сохранить те элементы, которые позволяют им заниматься хищнической деятельностью; зарождающийся новый общественный договор, основанный на расчете на собственные силы и на свободе экономической деятельности, но лишенный какой бы то ни было институциональной поддержки и больше напоминающий джунгли, описанные Гоббсом, нежели современную форму социальной игры; и последний слой — это эксклюзивный корпоративный договор, количество игроков в котором ограничено группами влияния и бюрократическими группировками, которые демонстрируют чудеса «гибкости», используя сохраняющиеся элементы старой системы для приобретения (стяжания) ценных активов с целью упрочения личного положения своих членов наряду с элементами нового общественного договора, дающими им возможность бесконтрольно распоряжаться получаемыми доходами.

Рядовые граждане практически выключены из этого корпоративного общественного договора, и им остается рассчитывать только на собственные силы (либо уйти в параллельную экономику, либо безуспешно требовать, чтобы корпоративные игроки выполняли свои обязательства по отношению к ним).

Подобная сегментация социальной игры приводит к соответствующей сегментации общества и препятствует установлению стабильного равновесия.

Ну, и что мы, по мнению Явлинского, имеем в настоящий момент? «Многие положительные достижения нельзя отрицать. Российские граждане стали свободнее, чем за всю предшествующую историю. Они могут читать то, что хотят, могут путешествовать, высказывать свое мнение, отправлять религиозные культы и собираться вместе. Российские граждане быстро привыкли к этим свободам. Технический прогресс принес такие достижения, как Интернет, телефакс и особенно спутниковые мобильные телефоны. Это означает, что путем постоянного контакта с окружающим миром день ото дня Россия может двигаться вперед» [11].

При этом Явлинский оценивает ситуацию как провальную. Я перечислю лишь некоторые признаки:

— выборная политика стоит на распутье, как и многое другое в России. По мере того как российские политические консультанты осваивают все больше трюков поли-

тических технологий, они объединяются с олигархами у власти и превращают выборы в России всего лишь в ширму для несменяемых олигархических правителей, где исход выборов предрешен заранее.

— демократические институты в России в целом развиты еще в меньшей степени, нежели ее система выборов... Законы часто не соблюдаются.

— ни одна успешно действующая демократия не может существовать без того или иного вида системы политических партий, хотя бы даже в силу приводимого раньше довода о стимулах, однако попытки взрастить такую систему в России не принесли ничего, кроме разочарования. После семидесяти лет правления Коммунистической партии россияне относятся к политическим партиям с понятным скепсисом... Ни одна из партий не является правящей партией...

— российские средства массовой информации также вызывают только горькие чувства. Россияне утратили возможность выбора из разнообразных источников получения информации. Не существует политически значимых, т.е. влияющих на людей, оппозиционных газет, журналисты не имеют возможность проводить журналистские расследования и высказывать собственное мнение. Неофициальные политические лидеры очень редко появляются на экранах телевизионных каналов и не могут объяснить народу свои позиции. За последние несколько лет средства массовой информации попали под полный контроль государства» [11].

Но вместе с тем Явлинский предлагает и политический прогноз: «Перед российской демократией лежит долгий путь... Современное состояние российской демократии не дает гарантии, что она сегодня или даже в обозримом будущем будет играть роль эффективной противодействующей силы господству групп влияния.

Главная надежда на то, что демократия может сыграть свою роль в экономических реформах в России, основывается на том факте, что только свободные политические дебаты и рост политической культуры рядовых граждан, равно как и развитие других демократических институтов, таких как независимый парламент и независимая судебная власть, политические партии и свободная пресса, гражданский контроль над спецслужбами, справедливые выборы, решительное отделение бизнеса от власти, могут изменить нынешний опасный курс экономической политики. Эту проблему может решить только развитие демократической системы со всеми обеспечивающими ее институтами, как это происходит в других промышленно развитых странах» [11].

Заключение

Что можно сказать в заключение? Формируется ли сегодня в России гражданское общество? Работает ли социальный контракт?

Я хочу высказать, возможно, резкое суждение, что в нынешних условиях в России не может сформироваться эффективное гражданское общество и горизонтальный социальный контракт.

Общественный договор — это феномен, порождение Нового времени (при всех исходных предпосылках в учениях мыслителей Древнего мира и Средних веков). И он явился ответом на вызов формирующегося слоя буржуазии, предпринимателей.

Государство должно было уступить и в ответ — триумфальное шествие рынка, два века либерализма и, наконец, кризис, депрессия и пр. А потом Новый курс, кейнсианство, этатизм, и опять поворот спирали — неолиберализм лондонской, фрайбургской, чикагской школ с тенденцией равновесия горизонтального и вертикального контракта.

Россия благополучно миновала все эти перипетии и искания. И, как мне кажется, горизонтальный общественный договор для нас вообще неорганичен. Не хочется соглашаться, но вспоминается — что Россия — страна господ, страна рабов.

Я соглашусь с Аузаном, что работает вертикальный социальный контракт, если это можно назвать социальным контрактом — если только в очень широком смысле. Хотя в современном обществе вряд ли можно рассчитывать на слепое преклонение пе-

ред властью, и все-таки Россия, хоть и декларативно, провозгласила себя социальным демократическим государством с рыночными отношениями в экономике.

А вот гражданское общество выстраивается такое, какое может выстроиться в условиях вертикального социального контракта. И я не вижу общей стратегии или общего позитивного пути развития. НКО, ТСЖ — как проявления гражданского общества — явления, возникшие не на российской почве. Создается впечатление, что Россия входит в капитализм и продолжает насильственно применять западные модели к своей реальности и примерять, уже насильственно, в рамках вертикального контракта. Ведь, например, ТСЖ явно отторгается российским населением, но насаждается повсеместно, как элемент гражданского общества, прививаемый насильственным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России, 2005. № 3.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Сочинения. Т. VII. М., 1934.
3. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
4. Карташов М.А. Концепция «социального христианства» в политической философии М.М. Сперанского: Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2006.
5. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века. — М., 1986.
6. Пискунов В.В. Концепт общественного договора: Автореферат диссертации на степень кандидата философских наук. М., 2005.
7. Сидорина Т.Ю. Философия эпохи Просвещения // История мировой философии / под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. М.: АСТ-Астрель, 2006.
8. Субботин А.Л. Локк // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
9. Филатов В.П. Обществознание. М.: Академический проект, 2001.
10. Юм Д. О первоначальном договоре // Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1996.
11. Явлинский Г.А. Общественный договор — основа долгосрочной экономической стратегии // Мир России, 2005. № 4.
12. Black A. Guilds and Civil Society in European political thought from the 12th Century to the Present. N.Y.: Ithaca, 1984. (Цит. по: [3]).